

ЗАВТРА НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР ОТМЕТИТ ЮБИЛЕЙ

Не так давно в нашем городе прошли короткие, но запоминающиеся гастроли московского «Ленкома». Петербуржцы имели возможность еще раз насладиться талантом несравненной Инны Михайловны Чуриковой — в премьерном спектакле «Ложь во спасение» по известной пьесе Алехандро Касоны «Деревья умирают стоя» актриса сыграла главную роль. После спектакля «ВП» побеседовал с великой актрисой, ее супруг — режиссер Глеб Панфилов присоединился к разговору.

ДОСЬЕ

Народная артистка СССР Инна Михайловна Чурикова родилась 5 октября 1943 года в городе Белебее (ныне — Башкирия). В 1965 году с красным дипломом окончила Высшее театральное училище имени М. С. Щепкина. Тогда же стала актрисой ТЮЗа, а спустя десять лет вошла в труппу «Ленкома», в котором служит до сих пор. В 1960 году впервые снялась в кино. 1967 год отмечен первой ролью у Глеба Панфилова: Таня Тёткина в фильме «В огне брода нет». Инна Чурикова — обладатель Государственной премии РСФСР, Государственной премии РФ, ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени, французского Ордена искусств и литературы, Государственной премии Станиславского, Царскосельской художественной премии, премий «Золотая маска», «Ника», «Хрустальная Турандот», «ТЭФИ» и других.

ФОТО ИТАР-ТАСС

Инна ЧУРИКОВА:

Мне не попадались персонажи чересчур жесткого свойства

«ВОЗРАСТНАЯ РОЛЬ — ЭТО СОВСЕМ НЕ СТРАШНО»

— Инна Михайловна, в этом спектакле вы играете Бабушку. Был у вас момент в жизни, когда вы подумали: «Ну вот, я уже и бабушек играю»?

— Я к этому спокойно отношусь. Бабушки ведь разные бывают — и молодые тоже. Лично я мечтала бы быть бабушкой. Моих театральных героинь — ту же Элеонору в «TOUT PAYSÉ...» или Алиенору в «Аквитанской львице» — не назовешь старыми. Возрастная роль — это совсем не страшно. И когда я была значительно моложе, Глеб предлагал мне играть героинь значительно более старших, чем я.

— Глеб Анатольевич иногда удивлял неожиданным назначением. Кто бы думал увидеть вас в образе Вассы Железновой?

— Как он меня убеждал! Я же говорила: «Глеб, я не Васса!»

Глеб ПАНФИЛОВ:

— А я настаивал, что Васса. Ведь прототипом Железновой была купчиха Кашина. Как сказал Лесков, тесто топором не разрубишь. И кашу тоже. «Вот ты — Тестова, Кашина, ты мягкий тип, — убеждал я Инну. — Но при этом сильней и крепче топора». И она согласилась.

И. Ч.: — У Горького младшая дочь говорит Вассе: «Мама, ты человеческая женщина». Это очень хорошее определение.

— Вы как-то сказали, что роль требует полного слияния с ней — до той степени, когда «грехи персонажа становятся твоими грехами». Бывало ли, что вы категорически не могли принять свою героиню?

— Слава богу, мне не попадались персонажи чересчур жесткого свойства.

Г. П. (улыбаясь): — Леди Макбет ты не играла.

— Или старуху-процентщицу.

И. Ч.: — Ну что вы, она, бедная, там сразу погибает. Ей и делать нечего. Она только перепугалась — и все. Мне было непросто понять как раз Вассу. Как могла

она предложить мужу ядовитый порошок, пусть даже ради чести семьи? Но надо было внимательно читать талантливого драматурга Горького и слушать талантливого режиссера Панфилова, который очень помог мне понять эту женщину. Она так любила дочерей, ей так было стыдно за грехи мужа, что лучшего решения не нашлось.

«ЛУЧШЕ ПОТЕРЯТЬ РАЗУМ НА ПОЧВЕ ТЕАТРА, ЧЕМ ИЗ-ЗА ДЕНЕГ»

— Поразительно, как точно вы создаете характеры женщин из разных социальных слоев, будь то княгиня или деревенская баба. Взять хотя бы «Ребро Адама». Вы настолько передали быт, в котором живет — вернее, сводит концы с концами — ваша героиня...

— Вот Нина Елизаровна — абсолютно понятная мне женщина. Как она бьется, имея двух дочерей и зарабатывая на жизнь. И ей еще хочется нравиться, она хочет любить. А что здесь не понять? Ведь все мы раньше так жили: не были избалованы. Но мы прекрасно жили. Это было равенство нищих.

Г. П.: — Инночка, мы были бедные, но все же не нищие. А большинство людей и сейчас живут скромно. И они не помешаны на деньгах, как иные олигархи.

И. Ч.: — Это не очень хорошее помешательство. Лучше уж потерять разум на почве театра или кино.

— В ваших ролях просвечивает подлинный аристократизм. Такое не сыраешь. Но вы ведь из простой семьи, не голубых кровей?

— Моя мама была профессор. Но из народа, из крестьян. Удивительная труженица. Она сама творила свою жизнь, моя мамочка. Помню детство в Коренёве: жили бедно, игрушек не было. Я приходила к маме в картофельный институт, где она работала лаборанткой, и одна ее сотрудница скрутила варешку, нарисовала личико и вручила мне: «Вот тебе куколка!» Как я любила эту куколку! И везде носила

с собой, пока она у меня не разлохматилась. Мне очень нравилось мое детство. Нравилось, как пахнет мама... Помню ее малиновую кофточку, помню, как она читала какие-то книжки. Потом она защитила сначала кандидатскую, затем — докторскую. Мама была почвоведом, выращивала цветы, знала все эти секреты: на какой почве должны расти герберы, на какой — розы. Она написала много книг о цветах, читала лекции за границей.

Мама, очень многого добившаяся сама, и мне говорила: «Дочка, стоишь у плиты — работай над ролью». Трудись, трудись и трудись. Вот ее закон. Мама меня во всем поддерживала. И когда я поступала в институты театральные — что-то подсказывала. Я на прослушиваниях читала все смешное. И профессор сказал мне прочитать в следующий раз что-нибудь лирическое. «Мама, что же лирическое-то?» И начала ей читать «Я помню чудное мгновение». Она послушала и говорит: «Дочка, читай это лучше с закрытыми глазами». Я так и сделала перед комиссией. Все легли на пол. Очевидно, это было так смешно.

— Вы начали профессиональный путь в Московском ТЮЗе. Можно ли сказать, что тюзовская закалка накладывает на актера особую печать?

— Безусловно. Дети — самые чистые, подлинники зрители. Они все воспринимают как правду, и как ты играешь — часто уже не важно. Вот играю я Бабу-Ягу. Длинный нос, грим устрашающий. Смотрю в зеркало и повторяю: «Ну какой же ты ангел! Какая хорошенькая!» И вдруг слышу из зала: «Хорошенькая?! Да ты уродина!» Думаю, надо ответить — это же оскорбление. Разворачиваюсь к залу: «Это кто сказал? Мне — Бабе-Яге? Которой прекрасней нет на свете. Ну-ка иди сюда на сцену!» Никто не вышел. «А вот мы сейчас у всех спросим. Я хорошенькая?» И все дети в один голос: «Да!!!»

Г. П.: — У Инны Михайловны было замечательное решение. Почему Баба-Яга такая злая? Она безответно любит Лешего — уже больше ста лет. Старая дева. Вот откуда скверный характер-то.

И. Ч.: — Я люблю ТЮЗ именно из-за зрителя.

— А как вы ощущаете своего зрителя? Может, мысленно общаетесь с ним перед спектаклем?

— В общем, нет. Наоборот, стараюсь забыть. И тем не менее он все время со мной. Он мне нужен. Я хочу понять, насколько его волнует то, что меня волнует.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЗРИТЕЛЬ — БЛАГОДАРНЫЙ»

— В «Ленкоме» зал небольшой, а здесь — огромный ДК «Выборгский». Как вы переживаете подобные пространственные перепады? Вы ведь много ездите со спектаклями по городам и весям. Сложно ли адаптироваться к новым условиям?

— Какое бы ни было пространство, главное, чтобы нас видели и слышали. Пьесу, по которой поставлен спектакль «Ложь во спасение», я бы назвала камерной. И играть ее в зале на две тысячи человек не так просто. Надо, чтобы все поверили в эту историю, ушли в нее. Мне кажется, сегодня это произошло. И когда зал встает, выражая свою любовь, это очень поддерживает. Ваш петербургский зритель такой. Здесь не бывает, чтобы три хлопка — и по домам. Или как где-то порой: выходишь — а в зале-то... три сестры и дядя Ваня.

— Наша газета называется «Вечерний Петербург». Что у вас связано с этим городом?

— Как я люблю Петербург! Просто наслаждаюсь. Каждый дом — сокровище.

Г. П.: — Я считаю этот город родным, потому что здесь я состоялся как кинорежиссер. Я работал 11 лет на «Ленфильме», где снял три первых полнометражных фильма — принципиально важных для меня: «В огне брода нет», «Начало» и «Прошу слова». С Инной Михайловной мы здесь встретились и поженились. Так что это наша колыбель.

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО